Книга фейков

Владимир Соколов

Владимир Соколов

Книга фейков

«Автор»

2026

Соколов В.

Книга фейков / В. Соколов — «Автор», 2026

Мудрец сказал: "Иногда нужно надеть маску, чтобы лучше понять самого себя". Путешествия в глубину прошлого и будущего, завихрения псевдо-мистических идей и смыслов, вымышленные истины и истинные вымыслы. Психология, философия и история в одном хорошо взболтанном, но не смешанном флаконе.

© Соколов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Хааджарские раскопки 6
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Владимир Соколов
Книга фейков

Владимир Соколов

Книга фейков

Хааанджарские раскопки

Журнал «Геотейя», N 2
Автор: Диана Кертис

Человечество сотни лет искало Атлантиду под водой, в Атлантическом океане и на дне Средиземного моря. Но нашли ее в безводной пустыне, погребенной под слоем тысячелетнего песка.

Я сижу в тесном кресле маленького «D-47», не отрываясь от иллюминатора. С высоты трех тысяч метров земля похожа на одно из тех плохо обожженных блюд, которыми забиты гончарные ряды на тегеранских рынках: точно такой же кирпично-красный цвет у здешней пустыни, раскинувшейся между Восточно-иранским хребтом и горами Загроса. Место раскопок на этой огромной территории едва заметно: наш самолет лишь на долю секунды скользнул своей тенью по россыпи белых домиков, вкрапленных в бурый склон холма.

От аэропорта Джендека до лагеря археологов – три с половиной часа на джипе. Дорога построена год назад и идет почти по прямой среди однообразной волнистой местности с небольшими возвышениями и песчаными дюнами. Изредка справа или слева от дороги вырастают крутые плоскогорья с обрывистыми стенами, и между ними видны впадины *вади* – русла сухих рек, которые зимой на день или два наполняют бурные дождевые потоки. Обычно этого хватает, чтобы по их берегам росла чахлая трава, но сейчас лето, температура ползет к 120 градусам по Фаренгейту, и вся земля дышит жаром и зноем. Даже привыкшие к пустыне ящерицы прячутся в тень.

Когда позже среди этой выжженной равнины вдруг появляются ряды маленьких палаток с парусиновыми тентами, их легко принять за мираж. Здесь расположен городок «пиратов» – владельцев мелких лавочек, торгующих антиквариатом. Говорят, что многие любители древностей приезжают сюда в расчете на контрабанду из расположенного рядом лагеря, но сейчас покупателей немного – на обочине стоят всего две-три грязно-бурые машины.

Дик, мой фотограф, просит водителя остановиться. Мы выбираемся из раскаленного внедорожника и идем к палаткам, чтобы прицениться к выставленным на продажу товарам.

В тени парусин на тряпках разложены сотни и тысячи предметов: обломки керамических изделий, темные черепки, крошки цветных камней. Бородатые продавцы, скрестив ноги, молча смотрят на новых покупателей. Мы подходим к одному, самому добродушному на вид – смуглому пожилому мужчине, до самых глаз замотанному в белую накидку. Я лаконично леплю в воздухе воображаемое животное и приставляю сверху два растопыренных пальца. Продавец копается в складках своей одежды и протягивает нам маленького бычка.

Что это – подлинник или подделка? Дик вертит изделие в руках, внимательно разглядывая черную фигурку из шлифованной терракоты. Цветные бусины глаз и позолоченные рожки придают вещице красивый вид, но смотрится она так, словно ее только вчера изготовили в одной из местных мастерских.

Я с сомнением качаю головой и катаю на ладони воображаемый шарик. Продавец все так же молча достает из-за пазухи холщовый мешочек и высыпает мне в руки пригоршню разноцветных предметов. Пару минут я перебираю шероховатые камешки из необработанной глины, пока не выбираю самый красивый – матово-черный шарик, покрытый голубым крапом, словно птичье яйцо.

– Сколько? – показывает Дик на бычка.

Продавец два раза поднимает десять пальцев – сто риалов.

– А это? – киваю я на черный шарик.

Бородач показывает десять и пять пальцев – пятьдесят риалов. Дик, недовольно поцокав языком, называет вдесятеро меньшую цену, и через пять минут мы уходим: я с шариком, Дик с бычком, – заплатив за все тридцать семь риалов.

Палаточный городок быстро остается позади. Дорога поднимается в гору и снова спускается вниз: с этого места с высоты холма открывается горное плато, как две капли воды похожее на те, что мы уже видели прежде. Но Дик хватается за фотокамеру – это и есть знаменитый Хааджар. Его левый, более пологий склон холма, зализанный языками песка, сплошь усеян белыми и голубыми пятнами – здесь расположен лагерь археологов. Джип прибавляет газу, а я откидываюсь на сиденье и повыше задираю голову, чтобы рассмотреть отвесный обрыв Хааджарского плато – легендарное место, где человечество столкнулось с самой удивительной загадкой за всю его историю.

Как и все великие древние культуры, Хааджар был открыт случайно. Десять лет назад английский инженер Тири, строивший водопровод в Бирдженде, купил на деревенском базаре приглянувшийся ему предмет – металлический сосуд, похожий на стилизованную рыбу. Вернувшись в столицу, он показал покупку своему приятелю, сотруднику британского посольства и археологу-любителю Реджинальду Скотту. Тот сразу заинтересовался высоким качеством и необычной формой изделия: как он говорил, не будь эта вещица такой древней, ее можно было бы принять за форму для изготовления фруктового рулета. «Серебряная акула», как назвали ее друзья, навела их на мысль о том, что в окрестностях Бирдженда ведутся стихийные раскопки, откуда на рынок попал этот необычный артефакт. Скотт предположил, что это может быть крепость Аль-Фарлах, – руины укрепленного форпоста эпохи Ахеменидов в двухстах милях от той деревушки, где Тири нашел «акулу», – и предложил получше исследовать эту местность. Тщательно упаковав находку, он с согласия друга отправил ее в Лондон на анализы в лабораторию доктора Хиггинса, а сам отправился в двухдневную поездку на развалины Аль-Фарлаха. Однако, несмотря на тщательные поиски, он не обнаружил ничего похожего на раскопки и вообще никаких следов археологической активности по крайней мере за последние полсотни лет. Обход местных базаров тоже не принес успеха, и Скотт, вернувшись на службу, стал ожидать результатов анализа.

Через неделю позвонил доктор Хиггинс. В голосе ученого слышалась растерянность: он не смог установить возраст предмета. Находка была, несомненно, древней, но никаких культурных аналогий провести не удалось – до сих пор археологам не попадалось ничего подобного. Хиггинс признался, что даже приблизительно не представляет, для чего мог быть предназначен такой предмет. Он нашел в металле изотопы стронция и определил, что сосуд изготовлен из серебра возрастом не менее двух тысяч лет, но когда попытался уточнить этот результат и взял из трещин микрообразцы грунта, чтобы провести углеродный анализ, то получил совершенно фантастический результат – одиннадцать тысяч лет. По мнению Хиггинса, предмет какое-то время пролежал в более древней породе, что привело к смешиванию разных слоев почвы.

Разговор с доктором убедил Скотта в одном – стоит проводить дальнейшие поиски. Отослав сосуд и заключение Хиггинса в Международный палеографический фонд, он добился гранта на археологическую разведку в районе Аль-Фарлах и взял отпуск за свой счет. Затем он нанял несколько рабочих из строительной компании и отправился с трехнедельной экспедицией в пустыню Деште-Лут.

План Скотта был прост – копать все возвышенности в радиусе ста миль от Аль-Фарлаха, делая пробные скважины и беря образцы грунта. Шансов было ничтожно мало – объект мог находиться в любом месте на территории в сотни квадратных миль, но, как признавался потом Скотт, перекапывать всю пустыню было чистейшим безумием, поэтому он ограничился только высотами. Он поставил людей работать парами одновременно в нескольких местах и за два-

дцать с лишним дней он успел обследовать около сотни плоскогорий и холмов. Экспедиция закончилась безрезультатно. Скотт ни с чем вернулся в Тегеран, где его встретили насмешки знакомых и коллег. Вероятно, на этом все могло бы и закончиться, если бы не фанатичное упрямство Скотта: потратив еще несколько месяцев, чтобы выбить из Фонда дополнительный грант, он присоединил к ним личные средства и организовал вторую экспедицию.

На этот раз он удвоил контингент рабочих и увеличил радиус поисков до 150 миль, придерживаясь той же методики, что и прежде. Скотт торопился – начальство дало ему всего два месяца, а бюджет работ был минимален, поскольку большую часть денег он потратил на дорогостоящие приборы.

Ночью двенадцатого февраля, за неделю до окончания поисков, в палатке Скотта раздался звонок: один из рабочих с Хааанджарского плато заметил, что в очередном шурфе его лопата наткнулась на каменную кладку. Скотт бросился к своей машине и к утру был уже на месте.

Рабочий оказался прав: на дне одного из пробных раскопов, наклонно уходивших в землю, обнаружилась толстая стена из гранитных блоков. Скотт немедленно собрал всех своих людей и приступил к работе. За четыре дня он расчистил два древних склепа, вытащил кости погребенных в них людей и нашел несколько украшений и декоративных предметов, отличавшихся великолепной сохранностью и высоким мастерством. Все найденные им артефакты вместе с образцами грунта и органики были отправлены в Лондонскую лабораторию для срочного анализа. Результаты оказались ошеломляющими: большинство объектов было датировано 8-9 тысячелетиями до нашей эры, а один фрагмент обугленного дерева, который они извлекли из нижнего слоя, – почти одиннадцатым тысячелетием до Рождества Христова.

Поняв, что произошло нечто экстраординарное, Скотт позвонил в посольство и вызвал к месту раскопок вооруженную охрану. До прибытия команды экспертов он успел сделать несколько десятков пробных шурфов в разных местах плато и каждый раз, к своему удивлению, находил следы человеческого присутствия. Обнаруженный им город занимал практически все плато и был самым крупным поселением из всех, когда-либо найденных археологами.

Осторожные ученые не торопились с выводами, но слухи о находке быстро просочились в прессу. Разразилась настоящая сенсация: человечество обнаружило следы высокой цивилизации, которая существовала, по крайней мере, двенадцать тысяч лет назад! Образцы хааанджарского искусства восхищали и поражали воображение. Была срочно сформирована совместная англо-американская экспедиция, в которую вошло больше трехсот человек – команда профессионалов, вооруженная самым совершенным оборудованием, которое когда-либо знала археология. Увы, сам Скотт не смог принять в ней участия – он погиб в автомобильной катастрофе через год после своего эпохального открытия.

Сегодня во главе раскопок стоят три человека: Карло Бонанца – знаменитый ученик А. Лео Оппенхейма, – Джудит Форлон, профессор Эдинбургского геопалеологического института, и Кэрри Салливан из Физико-химической лаборатории в Нью-Джерси. За три года археологических работ из-под земли было извлечено более 18 тыс. артефактов, раскопана почти пятая часть города общей площадью более 250 га и создан виртуальный «Хааанджарский комплекс». Однако ученые считают, что исследования только начались и работы хватит еще на несколько десятилетий.

«Я уверена, что Хааанджар – самый дерзкий вызов, когда-либо брошенный археологической науке, – говорит Джудит Форлон. – Ответ на него может перевернуть все наши представления о человеческой истории и, возможно, даже о самом человеке. Пока мы получаем больше вопросов, чем ответов, но с уверенностью могу сказать только одно: нас ждут удивительные открытия».

Территория лагеря охраняется не хуже военного объекта. Нас встречают забор с колючей проволокой, ворота под охраной автоматчиков и сторожевая вышка. Показав охранникам удостоверения, мы въезжаем за ворота и паркуемся на стоянке для гостей.

Внутри лагерь археологов похож на заурядную турбазу, где в несколько рядов стоят одинаковые сборные домики с намалеванными краской номерами, а из окон, забранных противомоскитной сеткой, несется громкая музыка. В гостевом домике мы с Диком по очереди принимаем душ, наскоро проглатываем консервированную тушенку с малиновым джемом и являемся на точку сбора. В «конференц-зале» – обычном панельном домике с маленьким крыльцом и прибитой к двери черно-белой табличкой «Добро пожаловать в 120-й век» – нас ждет небольшой брифинг, затем экскурсия по раскопкам и беседа с руководителем проекта доктором Карло Бонанца.

Харви Бигелл, подтянутый мужчина лет тридцати пяти, в белых брюках и синем поло, рассказывает нам о Хааанджаре. Многое мне уже известно. Хааанджарский комплекс занимает почти девяносто восемь процентов от всей территории плато, его площадь составляет 1480,5 га, из которых пока раскопано не больше четверти. Границы города совпадают с пределами самого плато, если не считать западной части, где плоскогорье полого сходит к долине. С северной стороны большой кусок скалы обрушен, внизу найдены огромные обломки. Причины обвала пока не выяснены, но по некоторым признакам можно заключить, что это произошло еще в то время, когда город был обитаем. Предположения высказываются самые разные, от землетрясения до подмыва, вызванного продолжительным наводнением. В последней гипотезе нет ничего странного, поскольку раньше здесь действительно было много воды – внизу протекала река, впадавшая в большое озеро, по берегам обильно росли финиковые пальмы и тамарикс, а в камышовых зарослях обитала богатая фауна. Положение изменилось только 5 тысяч лет назад, когда местный климат стал более засушливым и весь район превратился в полупустыню.

Хотя раскопана только небольшая часть комплекса, ученые уже составили довольно ясное представление о его устройстве. Здания были расположены по двум перпендикулярным осям, идущим строго с северо-востока на юго-запад и с северо-запада на юго-восток. Эти оси, представляющие собой две главные улицы или «проспекты», делили город примерно на четыре одинаковых по размеру части, каждая из которых имела свое предназначение. Северную часть, наиболее пострадавшую от обвала, условно называют «промышленной», восточную и западную – «жилой», а южную – «кладбищенской» или «погребальной». Особую роль играл центр города, который представлял собой отдельный квартал с одним-единственным зданием посредине – «храмом». План города был логичен и продуман с геометрической точностью – это почти правильный овал, разделенный на четыре сектора, и центральная площадка в виде ромба, обращенного углами к осевым улицам, в который вписан круглый храм.

Храм к сегодняшнему дню расчищен уже на две трети. Остальная часть раскопок затрагивает прилегающий к центру район восточного жилого квартала, северную оконечность южного и незначительный участок северного, от которого после обвала остался только небольшой осколок в сотню акров. Работы идут в три смены по всему периметру раскопок. Совсем нетронутым остался только западный квартал, и ученые собираются приступить к нему не раньше чем в следующем году. Археология – чрезвычайно тщательный и кропотливый труд: за неделю специалисты продвигаются не больше чем на метр.

Но каким образом ученые смогли так точно определить устройство комплекса, если большая его часть осталась под землей?

Харви Биггел ссылается на новые методы «просвечивания» грунта: инфракрасную термографию, зондирующие локаторы, протонный магнитометр. Все это позволяет «видеть» находящиеся в земле объекты так же, как лучи Рентгена видят человеческий скелет.

А почему продвижение вглубь по стратиграфическим слоям не дает изменений не только по культурным, но и по временным факторам? Все выглядит так, как будто в городе все время жили одни и те же люди и жизнь не менялась на протяжении тысяч лет. Неужели продолжительность жизни хааджарцев могла составлять несколько тысячелетий?

Мой вопрос вызывает у Биггела улыбку, хотя он признает, что археологи пока не могут на него ответить. Это еще одна загадка Хааджара.

Дик интересуется, чем вызвана столь строгая охрана лагеря. Опасаются нападения грабителей? Биггел машет на него руками, как хозяин гостиницы, который заверяет туристов, что в окрестностях нет ядовитых змей.

– Речь идет об элементарной предосторожности. Было бы неразумно оставлять без защиты столь большие ценности, к которым я, кстати, отношу и работающих у нас ученых.

– А как насчет контрабанды? – спрашивает Дик.

Мы выкладываем на стол свои трофеи: терракотового бычка и черную жемчужину. Биггел бросает на них беглый взгляд.

– Ну, это всего лишь подделки, хотя… – Он берет в руки жемчужину, дышит на нее, трет пальцами, царапает ногтем и вновь кладет на место. – Нет, все-таки подделка, хотя довольно качественная. В Хааджаре действительно встречались такие шарики, но они были сделаны из черного перламутра и алебастра, а здесь мы имеем дело с хорошо отшлифованной керамикой.

Я уверена, что в торговом городке можно найти немало интересных вещей. В прессе уже не раз появлялись сообщения, что на черном рынке то там, то здесь обнаруживаются подлинные предметы из Хааджарского комплекса. Чем это можно объяснить?

Биггел сокрушенно разводит руками.

– Люди, которые здесь трудятся, подвергаются большому искушению, – объясняет он. – Боюсь, некоторые из них его не выдерживают. Но служба безопасности отслеживает такие случаи, и вывести за пределы лагеря даже самый маленький артефакт не легче, чем похитить картину из галереи Тэйта. Что касается появления на рынке подлинных предметов, то они не обязательно могут быть связаны с контрабандой. Работающие в лагере археологи имеют право получать некоторые не очень ценные и не представляющие большого научного интереса вещи в качестве сувениров. Однако подобные приобретения строго регламентируются и регистрируются созданной при экспедиции комиссией. Так что никакой «утечки» нет.

После лекции Биггел передает нас в распоряжение своего заместителя Лу Чекка, выпускника Гарвардского колледжа, которому поручено провести экскурсию. На вид это совсем молодой паренек в гавайской рубашке и пляжных шортах – вылитый спортсмен-турист, у которого в довершение сходства за плечами висит тяжелый ранец. После крепкого рукопожатия он ведет нас через лагерь к «рыбному базару»: так называется место, где под большим тентом собирают недавние, еще не отсортированные находки.

По дороге Лу посвящает нас в азы археологического дела. На месте раскопок сначала делают пробные бурения и прокладывают шурфы, а потом разбивают территорию раскопок на квадраты и привязывают их к топографической сетке. Только после этого проводят химические анализы почвы и начинают сантиметр за сантиметром снимать слои грунта, фиксируя все мельчайшие находки – вплоть до окаменевшей растительной пыльцы и хитиновых панцирей насекомых (последние на научном жаргоне называются «экофактами» в отличие от артефактов – предметов, созданных руками человека). Ранец, который висит у него на спине, – это лазерный теодолит – прибор со специальным модулем, позволяющим установить абсолютные координаты местности с помощью системы GPS. Времена изменились: полевые чертежи теперь составляются на лэптопах, а найденные предметы немедленно помещаются в трехмерную модель раскопок, которая хранится в памяти компьютера.

Значит ли это, что у археологов стало меньше ручной работы? Лу с улыбкой показывает свои мозолистые пальцы и въевшуюся в кожу пыль.

– Современные технологии помогают на стадии анализа, – объясняет он, – но сами раскопки – тяжелый труд, в котором человеческие руки незаменимы. Мы используем самые разные инструменты, от совковой лопаты до щеточки для ногтей. Сейчас археолог похож на криминалиста, который, затаив дыхание, боится к чему-нибудь притронуться, чтобы не потерять важной улики.

«Базар» – ровная площадка размером три на четыре метра, где защитный тент сохраняет если не прохладу, то хотя бы тень для работающих здесь археологов. Их трое: две девушки и молодой парень в бейсбольной кепке и с наушниками в ушах. Они методично вынимают и рассматривают содержимое пакетиков с прикрепленными к ним бирками, где указаны местонахождение, глубина залегания и краткое описание находки. Место не зря названо «рыбьим базаром» – около сотни предметов, добытых за ночную смену, лежат на земле так же просто и естественно, как горсть ракушек, вынесенных прибоем на берег. Рассеянный тентом солнечный свет, расстеленные на песке покрывала, спокойные, деловитые движения людей – все это придает картине естественный, почти будничный оттенок, словно речь идет о рыбаках, разбирающих свой улов. С трудом понимаешь, что каждый из предметов – бесценная крупица доисторической цивилизации, отделенная от нас бездной времени и почти столь же нереальная, как гость с другой планеты.

Мы подходим поближе, чтобы рассмотреть последние находки. Я вижу кости и зубы животных, древесную труху, окаменевшие черешки плодов, раковины улиток, продолговатый зеленый катышек, бывший когда-то деталью женских бус, кусок полированного камня и виноградные косточки. Самые крупные находки – небольшая застежка или амулет, что-то вроде жука из темной бронзы, пара конических изделий из металла, назначение которых еще предстоит установить, и клинок плоского меча, почти до неузнаваемости изъеденный коррозией. Из всех предметов Лу Чекк особенно выделяет небольшой брус дерева, чудом сохранившийся благодаря пожару (о чем свидетельствует его полуобгоревший бок): высокая температура предохранила клетчатку от разложения, но не уничтожила ее полностью. Вероятно, это была часть колонны, скорей всего, из горного кедра, считает Лу. По годичным кольцам можно будет определить возраст дерева, а это ценнейшая помощь в установлении правильной датировки комплекса.

Лу Чекк показывает нам костяное основание рога, принадлежавшее когда-то туру или молодому быку. Его миндалевидная форма свидетельствует о том, что животное было полудиким и малоодомашненным, но уже содержалось в стаде. Найденные рядом ячменные зерна и осколки большого керамического сосуда говорят о том, что раскопщики наткнулись на хранилище или склад. Археолог объясняет:

– Это был склад «сырой» продукции, которую сами хананджарцы не производили, а получали в готовом виде. Потом они подвергали это исходное сырье разнообразной и сложной обработке, начиная с измельчения зерна и кончая приготовлением изысканных кондитерских изделий.

Чем питались хананджарцы? Лу перечисляет длинный список блюд: пшеничный хлеб, копченая свинина, свежий сыр, дичь, оленина, речная рыба. Из напитков местные жители предпочитали виноградное вино и пиво, которое изготовляли из ячменного солода и фиников; пиршество завершали сладости из сушеных фруктов, подслащенной муки, патоки и меда. В меню хананджарцев неизменно присутствовал съедобный тутовник – шелковица – с очень крупными ягодами и высоким содержанием сахара. Шелковицу не только ели, ее использовали в медицине, в виде толченой коры и отваров из листьев. Любопытно, что в Шумере тутовник был известен как священное дерево кишкану, которое помогало восстановить человеческую плоть из падшего состояния и тем самым обрести бессмертие.

Замечание Лу возвращает меня к вопросу, как он относится к невероятно долгой жизни хааджарцев – в несколько тысяч лет. Возможно ли, что за всю историю города в нем проживало всего одно поколение людей?

Лу пожимает плечами. По его мнению, такие гипотезы лежат за пределами науки – так же, как те восемь допотопных царей из «Списка» шумеров, которые в общей сложности правили почти четверть миллиона лет.

– Возраст найденных в хааджарских захоронениях костей не превышает ста двадцати лет. С другой стороны, можно предположить, что все эти люди умерли преждевременной смертью, например, от какой-нибудь болезни. Косвенно это подтверждается тем, что все трупы были пропитаны особым составом, включавшим соединения хлора, который горожане, вероятно, использовали как антисептик.

– Они не бальзамировали умерших?

– Пока не было найдено ничего похожего на мумию. Возможно, большинство мертвецов хоронили за пределами города, потому что до сих пор обнаружено на удивление мало скелетов. Для поселения с тысячелетней историей территории городского кладбища было явно недостаточно.

Лу не хочет расставаться с куском дерева и берет его с собой, чтобы занести по пути в лабораторию. Один из сортировщиков, развернув на коленях ноутбук, заносит его в раздел «артефакты» и возвращается к рутинной переборке. Работа не прекращается ни на минуту: через час появится очередная смена, и на «базар» доставят новый материал.

Наша следующая остановка – в так называемом «музее». После классификации и сортировки находки подвергают анализам в лаборатории и доставляют на временный склад, где они хранятся до отправления «на материк». Самые интересные вещи выставляются в местной галерее, чтобы перед отправкой их могли посмотреть работники экспедиции и журналисты.

Помещение «музея» находится в одном здании с лабораторией, поэтому сначала мы заглядываем туда, чтобы отдать дерево Лу и заодно полюбоваться на сплошную стену из серебристых приборов, мониторов и спектрометров, на которых весело помигивают огоньки. Посреди комнаты стоит футуристическое сооружение с прозрачной камерой: это 3D-сканер, сложный аппарат, где наиболее ценные артефакты копируются в объемную цифровую модель, точно воспроизводящую оригинал. Сейчас в ней лежит предмет, похожий на весло из шершавого красного камня и с трехгранной лопастью на конце. Дик шутливо предлагает отсканировать в этой камере мою фигуру, чтобы я могла дарить свое трехмерное изображение знакомым вместо фотографии. Лу замечает, что такая операция вполне возможна, но для этого мне придется сохранять полную неподвижность в течение нескольких часов.

Сама галерея состоит из трех залов, где поддерживается идеальная температура, освещение и состав воздуха. В отличие от обычных музеев, экспонаты здесь небрежно стоят на открытых полках и столах, по-домашнему теснятся в нишах и шкафах и щедро наполняют стеллажи и этажерки.

Первое, на что мы обращаем внимание, войдя в «музей», – странный сосуд в форме перевернутой каски, края которой вытянуты вверх широким раструбом, как причудливая цветочная ваза. Он покоится на приплюснутой ажурной подставке, смахивающей на спираль от кипятильника. Я спрашиваю, что это.

Лу трет рукой подбородок.

– Честно говоря, не знаю. Форма или изображение спирали обычно указывает на особую важность предмета. Можно предположить, что это какой-то священный сосуд – например, ритуальная чаша для хранения благовоний или что-то в этом роде.

– Он сделан из серебра?

– Нет, это электрум, сплав серебра и золота, очень распространенный в Хааанджаре. Его мастера работали в основном с металлом или камнем, редко – с деревом или глиной. Чаще всего они использовали золото, в сплавах или в чистом виде, добавляя в него различные примеси и придавая ему красный, белый или зеленый оттенки. А вот у этой вещицы назначение вполне определенное. – Лу показывает нам красивый прибор из золоченой бронзы, к которому приделана длинная ручка, изогнутая, как шея лебедя. – Это хааанджарская скороварка. Еда здесь готовилась на пару. Как видите, сосуд состоит из трех камер: в верхнюю клали пищу, в средней вода кипела, превращаясь в пар, а в нижнюю клали горючее – скорей всего, древесный уголь.

Несмотря на внешний хаос, выставка в музее строго классифицирована. В первом зале представлены «технические» достижения Хааанджара, о которых ученые судят пока только гадательно, здесь же собраны предметы домашнего обихода. Мы рассматриваем «косметический набор» – с десяток тонких палочек из слоновой кости, с помощью которых хааанджарские женщины делали макияж; «супницу» – продолговатый сосуд из травленого сердолика в форме небольшой ладьи; «лиру» – по всей видимости, музыкальный инструмент, хотя, на мой взгляд, он больше похож на обломок позолоченного рога. В небесном «глобусе», где карта неба с планетами из агата, халцедона, турмалина и других камней нанесена не на внешнюю, а на вогнутую сторону медной полусферы, положение светил воссоздано с высокой точностью.

Мы замечаем в углу какой-то темный и тяжелый предмет. Условно он назван «лемехом», но на самом деле его назначение загадочно.

– Поразительно, что при всем богатстве и разнообразии продуктов, в Хааанджаре не было найдено ни одного сельскохозяйственного орудия, – говорит Лу. – Горожанам удавалось в изобилии обеспечивать себя едой, не возделывая землю и не занимаясь разведением животных. Более того, похоже, что они вообще не были знакомы с грубым рабочим инструментом и не занимались черной работой. В городе не нашлось ни одной мотыги, молотка, топора или лопаты. Его обитатели занимались только вторичной переработкой, научными исследованиями и изготовлением предметов искусства. Возможно, уделом многих из них был полный досуг, и они проводили время за бокалом вина, музицируя или играя в кости.

В доказательство своих слов Лу демонстрирует «шахматную доску» – плоское изделие из черепахового панциря, разбитое на правильные квадраты, на которых нанесены два чередующихся рисунка: круг с расходящимися зигзагообразными лучами и треугольник с рыбой внутри. Предмет действительно очень похож на игральную доску, но не прямоугольной формы, а скорей в виде гитары.

Мы переходим в следующий зал. Здесь собраны ювелирные и декоративные изделия. Культура Хааанджара предстает перед нами во всей своей пышности и роскоши. Трудно отвести взгляд от изящных подвесок, браслетов, ожерелий и заколок, фибул, гребешков, аграфов, клипсов и медальонов. Все эти сокровища запросто разложены на салфетках и застеленных простынями тумбах.

Вот комплект из красного золота с сапфирами и аметистами: серьги, кулон, большая цепь и стилизованный венок из листьев бука. Он был найден почти в целом виде при раскопках жилого дома, а деревянная шкатулка, в которой он хранился, полностью сгнила. Рядом на дне картонной коробки покоится великолепный бронзовый нагрудник, составленный из нескольких сотен полированных пластин, в которых нет двух одинаковых. Покрывающая его гравировка так мелка и прихотлива, что кажется произведением не человека, а природы.

Несмотря на ослепительную красоту, все эти предметы производят непривычное и даже пугающее впечатление. Похоже, хааанджарские ювелиры считали область женских украшений чем-то опасным и таинственным, если не запретным. Поражает, как густо этот искусственный мир населен растениями, зверями, чешуйчатыми змеями, жабами, крокодилами. Кажется, все

они еще продолжают жить, расти, дышать и двигаться, поводя глазами; их струящееся и шевелящееся царство вызывает колдовское, почти завораживающее чувство.

Оказывается, некоторые из этих вещей действительно обладают странными и загадочными свойствами. Лу показывает нам большую аметистовую брошь: вечером в одно и то же время, когда солнечный свет падает под определенным углом, в глубине камня смутно проступает женское лицо. Есть предметы, которые светятся в темноте, другие сохраняют почти постоянную температуру, независимую от температуры воздуха.

Странно, но за всю историю раскопок археологи не нашли ни одного кольца или перстня. Возможно, у хааанджарцев это была священная или «табуированная» форма, которую не дозволялось носить простым смертным.

От ювелирной коллекции мы переходим к собранию маленьких скульптур, расставленных вдоль стены на двух дощатых помостах. Перед нами знаменитые фигурки животных из Хааанджара. В комнате их около сотни, размером от одного до нескольких десятков дюймов.

Затаив дыхание, мы разглядываем миниатюрный зоопарк. Вот белый слон из резного алебастра подогнул колени и вытянул хобот, чтобы дотянуться с берега до воды. Мощный бык – на его изготовление пошла вишневая яшма, инкрустированная серебром, – изо всех сил напряг мышцы, пытаясь удержаться на крутом склоне. Леопард из черного и желтого гранита, опустив голову, осторожно обнюхивает потерянный след. Молодая лань, укушенная во сне скорпионом, в панике вскочила на ноги, чтобы через мгновение рухнуть замертво. Перед нами древнейшие изображения животных и одновременно прекрасные произведения искусства, исполненные с поразительной наблюдательностью и мастерством.

Заметно, что пропорции некоторых фигур не совсем выдержаны: в них заметна подчеркнутая неправильность, происходящая, как можно догадаться, не от неумелости, а по замыслу творца. Некоторые по-детски трогательны и сделаны как бы по-семейному, с домашней теплотой: забавные большеголовые тигры смотрят добрыми глазами, печальные олени уныло растянулись на земле, обиженный верблюд, вытянув шею, нерешительно оглядывается через плечо. Кроме настоящих животных, здесь есть и вымышленные существа – например, орел с головой льва или пятиглавый дракон, обвившийся вокруг дерева, – но и они сделаны так же доброжелательно и задушевно, с той же сердечной симпатией, юмором, улыбкой.

В какой-то момент меня осеняет догадка, что все это – детские игрушки. Лу не подтверждает и не отвергает мою идею: исследования находятся на той стадии, когда любая гипотеза имеет право на существование. Пока нет подкрепляющих или опровергающих их фактов, каждую идею можно считать одинаково вероятной или беспочвенной.

Третий зал называется «библиотекой» и состоит из двух частей, разделенных внутренней перегородкой. Первая занята высокими несгораемыми шкафами, в каких обычно хранят папки с файлами. Наш гид выдвигает один из ящиков – внутри на мягкой поролоновой подкладке лежат уже знакомые мне шарики. Это предметы самых разных размеров и цветов, некоторые сделаны из металла, другие из камня; есть не совсем круглые, приплюснутые – скорей эллипсоиды, чем шары, – резные и граненые, просверленные насквозь, рассеченные пополам или с вынутыми сегментами. Один утыкан маленькими шипами, как морская мина. Многие шарики покрыты рисунком, иногда довольно неожиданным, – например, на одном изображен узор, точно повторяющий кристалл снежинки.

Лу выдвигает все новые ящики, и в каждом из них лежит похожий груз. Это самый распространенный в Хааанджаре артефакт – только за последние три недели их найдено больше тысячи.

– Вот еще одна любопытная находка, – Лу обращает наше внимание на золотую вещицу размером с портсигар. – Мы назвали ее «книгой».

Книгой? Я вижу перед собой только гладкую поверхность с еле заметной гравировкой – рисунком, похожим на причудливый цветок.

– На самом деле перед вами футляр. Внутри лежало несколько десятков тонких золотых листов, покрытых филигранной вязью. Доктор Бонанца считает, что это образцы хааннджарского каллиграфического искусства; отсюда и название.

По моей просьбе Лу бережно передает мне маленькую «книгу» – бесценную находку археологов.

Брать в руки вещь, к которой человеческие пальцы прикасались несколько тысяч лет назад, – поразительное ощущение. Я чувствую нежный холодок поверхности, шероховатость неглубокой резьбы и приятную тяжесть металла: несмотря на небольшой размер предмета, он заметно оттягивает ладонь. Золото высшей пробы – самый благородный на земле металл. Лу просит меня не открывать крышку: футляр сделан с секретом, и лучше не подвергать его лишний раз физическому воздействию.

До сих пор считалось, что в Хааннджаре не было найдено никаких текстов или следов письменности. Значит, доктор Бонанца придерживается другой точки зрения? И чем объяснить, что такое мощное и развитое государство могло существовать без какого бы то ни было, даже примитивного письма?

– Разумеется, такая высокая цивилизация должна была знать, по меньшей мере, основы математики и геометрии, – соглашается Лу. – И, конечно, столь крупное и хорошо организованное общество должно было опираться на какую-то систему счета и иметь свою письменность. Несмотря на это, на сегодняшний день мы не обнаружили ничего, что можно было бы считать графической передачей смысловых понятий, в виде отдельных слов или фрагментов текста. Некоторые исследователи объясняют это тем, что в Хааннджаре не было самостоятельного хозяйства, и город существовал за счет источников извне, которые доставляли ему все необходимое в качестве обмена или дани. Другие считают, что хааннджарское письмо на самом деле существует, но оно настолько сложно и разнообразно, что пока мы просто не можем его обнаружить. То есть, грубо говоря, мы видим перед собой текст, но принимаем его за что-то другое.

Так существует ли хааннджарская письменность? По словам Лу, сейчас можно определенно утверждать, что в Хааннджаре не было пиктографического письма – то есть такой разновидности письменности, где вместо слов использовались рисунки. Скорей всего, у них не было и алфавита. С другой стороны, практически каждый сантиметр на руинах города покрыт резьбой из прихотливых, пересекающихся, переходящих друг в друга узоров. Ученые уже несколько лет пытаются найти в них устойчивые сочетания, которые несут в себе постоянную смысловую нагрузку, то есть являются письмом.

Есть и другие гипотезы. В 7–5-м тысячелетиях до н. э. существовало так называемое «предметное письмо» – мелкие фигурки из камня или глины, чаще всего, простой геометрической формы: конусы, шары, диски, цилиндры. Их находили и находят в разных местах на территории Сирии, Месопотамии, Ирака. Считается, что эти фигурки – счетные фишки, где один конус означает «одну овцу», один цилиндр – «один кувшин масла» и т.д. Иногда эти фишки запечатаны, как в конверты, внутри маленьких глиняных сосудов.

Многие полагают, что подобные фишки найдены и в Хааннджаре. Правда, форма их весьма различна и включает сложные комбинации – например, шара с кубом или пирамиды с октаэдром. Некоторые покрыты сложным геометрическим узором, который можно разобрать только под лупой, другие гладкие, шероховатые или полированные. Есть объекты разного цвета и сочетания цветов, цельные или с многочисленными отверстиями.

– Назначение их непонятно, но кажется маловероятным, что при таком разнообразии они служили всего лишь счетными фишками, – считает Лу.

Самое интересное, что некоторые предметы комплементарны, то есть подходят друг к другу попарно, по трое, и так до пяти предметов. При этом геометрический узор на одной из фишек может продолжать другой, а может быть и совершенно иным. Возможно, это какая-то разновидность языка или счетная система, очень сложная и пока не поддающаяся расшифровке. Иногда сложенные вместе детали составляют стилизованную фигурку животного, что еще больше запутывает объяснение. Очевидно, сами скульптуры животных, судя по их индивидуальности и мастерству, не имеют никакого отношения к языку и счету и являются просто предметами искусства. Однако есть, по крайней мере, один пример, когда сердоликовая фигурка тельца оказалась «комплементарна» двум металлическим шарам, – ее ноги были точно подогнаны к их отверстиям. Их нашли вместе, поэтому можно предположить, что изначально они составляли одно целое. Но пока это только единичный случай.

Существует предположение, что «фишки» – это разновидность агглютинативного языка, где к корневому слогу добавляются цепочки суффиксов. Согласно этой гипотезе, корнем может служить один из предметов, тогда как другие, комплементарные, являются его суффиксами. Древнейшие языки Востока – шумерский, дравидийский, мунда – тоже агглютинативные. По мнению Лу, это хорошо вписывается в ностратическую гипотезу о родстве всех евразийских языков, в семью которых входят индоевропейские, афразийские, картвельские, уральские и алтайские языки. Естественно предположить, что когда-то существовал первый протоязык, от которого берут происхождение все остальные.

– Древние языки состояли из логограмм, заменявших слова, и силлабограмм, заменявших слоги, – продолжает Лу. – Возможно, что «фишки» – это такие же силлабо-логограммы, хотя некоторые полагают, что понятие письма можно отнести только к покрывающим их узорам, вернее, к их повторяющимся сочетаниям.

Хааджарские узоры – особый разговор. По тонкости, сложности и изяществу они не имеют себе равных. Порой возникает впечатление, что хааджарцы были знакомы с фракталами.

Лу демонстрирует нам одну из «фишек». Мы видим на ней четкий золотой узор, похожий на греческий меандр. Но если увеличить изображение, окажется, что каждая точка этого узора представляет собой «зерно», состоящее из других узоров, таких же или иной формы; те, в свою очередь, распадаются на еще более микроскопические рисунки и т.д.

– Мы пытаемся найти какой-то алгоритм, который объяснял бы эти сочетания, но пока это не удается. Я уже не говорю о технике нанесения подобных линий: она была очень продвинутой и изощренной.

Мы переходим во вторую половину зала, просторней первой и почти целиком заставленной большими глыбами черного матового камня. Лу объясняет, что это диорит, – из него в основном состоит составляющая плато горная порода. Этот крепкий материал, наряду с обсидианом, чаще всего применялся в местной архитектуре, в Хааджаре из диорита построено большинство зданий.

В этой части зала собраны фрагменты стен и потолков, куски пола, обрушившиеся стелы и пилоны – все, что было бесполезно оставлять на месте раскопок, поскольку оно перестало быть частью целого.

– Мы не снимаем со стен росписи и барельефы, как это делалось раньше, – объясняет Лу. – Город должен существовать в том же виде, в каком мы его нашли. Возможно, позже нам удастся установить, к какому дому или сооружению относятся эти детали, и тогда мы вернем их на место.

Толщина диоритовых стен производит впечатление – почти десять футов, такую не пробить даже артиллерийским снарядом. Глянцевую поверхность покрывает светло-серая резьба с уже знакомыми нам темами и сюжетами из животной и растительной жизни. На одной изоб-

ражен выводок болотных птиц, обрамленный растительным орнаментом, на другой – увлекаемая горным обвалом серна, на третьей – декоративный узор, похожий на разбегающиеся по воде круги со схематично набросанными кувшинками. И тут я застываю на месте. С высокого обелиска на меня смотрит человек – юноша или мужчина, плечистый и длинный, как баскетболист, в странном головном уборе, похожем на папскую тиару. Одно плечо у него обнажено, на другом расправлены складки ткани, спускающейся чуть ниже бедер и веером расходящейся над коленями. В свободно опущенных, мускулистых руках, небрежно расслабленной позе чувствуется сила атлета, но благородно удлиненное лицо производит скорей меланхолическое впечатление.

Неожиданное появление человеческого существа среди этого геометрически-растительного царства действует ошеломляюще, как будто нам навстречу вышел сам хозяин потерянных вещей.

Кто он – царь, герой, полубог, одно из верховных божеств? Или просто скромный житель некогда великого города? Мне он напоминает римского патриция.

– В его одежде действительно есть нечто похожее на римскую тогу, – соглашается Лу Чекк. – Правда, в таких накидках ходили уже шумеры. Ткань этого одеяния была сделана, скорей всего, из тонкой шерсти или льна. В одежде хааннджарцы были изысканны, но довольно однообразны: мужчины носили почти то же, что и женщины, и мода со временем не менялась. Вариации существовали только за счет вышивки, поясов и особенно расцветки. Последняя могла быть очень разнообразна – хааннджарцы знали все цвета спектра, даже синюю краску, хотя раньше считалось, что финикийцы изобрели ее только во 2-м тысячелетии до н. э.

На выходе из «музея» мы сталкиваемся с образцом настенной декоративной живописи – яркой и жизнерадостной мозаикой из красного известняка, туфа, сланца, яшмы и перламутра. Сцена изображает лужайку в лесу, обрамленную красными скалами с изумрудным мхом и окруженную четырьмя громадными белыми цветами с лепестками мальвы. На кирпично-бордовом фоне полулежит обнаженная женщина, кормящая грудью оленя. Линии ее стройного тела подведены охряно-желтой тенью, а откинутые на одну сторону волосы похожи на птичье крыло. Неизвестно, как хааннджарцы относились к человеческому телу, но, очевидно, его запечатление они считали большой честью, которую следовало заслужить. В «музее» нам встретилось всего два изображения человека, а во всем городе их найдено не более пятнадцати.

Есть узловые точки времени, в которых сходятся будущее и прошлое истории. И чем старее такой узел, тем трудней его развязать.

После короткого обеда – снова тушенка, на этот раз с вареной брокколи, – мы в сопровождении нашего любезного спутника отправляемся в Древний Хааннджар.

Чтобы попасть на территорию раскопок, надо пройти через вторую линию охраны. Перед нами вновь забор, ворота и пост; загорелые парни с автоматами проверяют наши удостоверения. Благодаря Лу Чекку никаких проблем не возникает, и спустя пять минут мы идем по каменистой и спекшейся земле. Под ней – я не сразу это осознаю – на глубине всего нескольких футов лежит еще не раскопанная часть города.

Западная область Хааннджара до сих пор остается невозделанной целиной, где осуществлены только первые бурения и пробные раскопы. Из земли с монотонностью кладбищенских крестов торчат деревянные колышки с обозначением координат. По сторонам от протоптанной археологами тропинки изредка встречаются квадратные ямы, обнесенные бечевкой. Сейчас в них нет ни души, и они похожи на открытые могилы, ждущие своих покойников.

Дорога внезапно обрывается: мы подходим к краю неглубокой котловины. Отсюда открывается вся панорама отрытых из земли руин – исполинские развалины города, древнейшего из всех, построенных человеком. Мы начинаем осторожно спускаться по ступенькам крутой

лестницы. Она идет все дальше вниз, загибается улиткой вокруг огромной циклопической колонны, на которой проступают смутные пятна, формы и узоры. Где-то на середине спуска меня внезапно осеняет мысль, что я иду уже не по современной лестнице, а по той, древней, хааджарской. Я бережно прикасаюсь рукой к гигантской колонне, облицованной шероховатой плиткой. Чешуя мозаики обдает меня тем же холодом, который чувствовали руки когда-то проходивших здесь прохожих, хотя наши прикосновения разделяет промежуток в несколько тысяч лет. На мгновение мне кажется, что я с головокружительной скоростью погружаюсь в доисторическое прошлое и меня вот-вот обступят современники этих стен.

Мы уже достигли дна и идем по сухому полутемному проходу, перекрытому кирпичной аркой. Справа через равные промежутки открываются квадратные проемы, ведущие внутрь зданий.

– Город строился не домами, а целыми блоками, – поясняет наш экскурсовод. – Здания тянулись в одну линию, пока их не перебивали поперечные улочки. Все жилые дома были в три или четыре этажа. Сейчас от них сохранились только первый и часть вторых, а также обширные подвалы и погреба. Это были довольно похожие друг на друга, как сказали бы сейчас, «типовые» квартиры, состоявшие, с небольшими вариациями, из нескольких спален, гостиной, столовой, кухни, иногда студии или кабинета. В таких апартаментах могло жить от двух до восьми человек.

Мы заходим в дом, условно названный «домом Галатеи» (так в древнеримской мифологии называли богиню водной стихии, супругу Нептуна). Этим названием он обязан обнаруженному в нем серебряному медальону, на котором изображена скользящая по волнам женщина с развевающимся за спиной покрывалом. По мнению Лу, здесь находилось что-то вроде гинекея, поскольку все найденные в нем предметы принадлежали женщинам. Археологи откопали керамические сосуды с остатками благовонных смол, бронзовые чашечки для сурьмяного порошка, мирта и шафрана, эолову арфу, большой ларец с «фишками» и обломки медных лежаков. В соседнем помещении нашли много драгоценностей и еще один лежак – там была вторая спальня.

Пояснения Лу позволяют лучше понять планировку помещений и устройство дома. Две спальни соединялись между собой и имели общий выход в просторный зал, где, судя по всему, встречали гостей и устраивали торжественные приемы. Столовую легко определить по двум массивным столам – полукруглому и овальному, составляющим единое целое с полом. Здесь нашли большое количество посуды и фрагменты мебели, представляющей собой нечто среднее между ложем и креслом: хааджарцы, вкушая пищу, могли делать это сидя или полулежа. Рядом с трапезной находилось еще одно большое помещение, назначение которого неизвестно. Возможно, это была «комната релаксации», предназначенная для послеобеденных развлечений: судя по изображенным на стенах музыкальным инструментам, переходившие сюда из столовой гости предавались пению и танцам, а следы нарисованных на полу квадратов намекают на то, что здесь могли устраиваться какие-то игры.

Мы продолжаем нашу экскурсию в доме под открытым небом. К столовой примыкает кухня, где хозяйка или прислуга готовили еду на сложных кухонных устройствах, образец которых мы видели в «музее». Отходивший от нее боковой коридор спускался по лесенке в подвал с пищевыми запасами, которые хранились либо в огромных чанах из чеканной меди, либо в полых емкостях, выдолбленных прямо в грунте. Очевидно, жизнь в хааджарских домах была довольно комфортной. Пообедав, хозяин отправлялся музицировать в кабинет или лежал, потягивая финиковое пиво и пересчитывая «фишки» в своей спальне. В жару он мог принять освежительный душ, подававшийся сжатым воздухом с помощью специальных мехов. К его услугам были канализация с проточной водой, металлические жалюзи и вращающиеся панельные окна, которые позволяли регулировать в помещении температуру воздуха и освещенность.

Обитавшие здесь женщины не знали недостатка ни в продуктах, ни в развлечениях, ни в роскоши. Но почему они жили одни? Где были их мужья, существовала ли у них вообще семья? Были ли они бедными или богатыми, что думали о жизни, о самих себе? На эти вопросы пока нет ответа.

– Мы не имеем четких представлений об их общественном устройстве, – говорит Лу. – Неизвестно, что представляла собой их государственная власть, как они относились к богатству, имелся ли у них какой-нибудь религиозный культ. В этом отношении Хааннджар – самая замкнутая цивилизация, с которой приходится иметь дело историку. Сейчас мы больше всего знаем их со стороны быта и меньше всего – со стороны мировоззрения, идеологии и социума. Но поскольку одно не существует без другого, можно сделать кое-какие предположения. В городе, по-видимому, не было резкой разницы между богатыми и бедными. Все жилые здания были приблизительно одного размера – не считая так называемого «центрального храма», который, скорей всего, находился в общественном пользовании. Нет ни больших и роскошных дворцов, где мог бы обитать царь или правитель, ни лачуг и хижин бедняков. Это свидетельствует о демократическом или, по крайней мере, политеическом устройстве власти. Можно сказать, что все население города представляло собой один средний класс. Возможно, обществом управляла группа регулярно избираемых лиц, совет старейшин или просто уважаемых людей, не отличавшихся от других ни знатной родословной, ни имущественным цензом. Но все это только догадки, основанные на логике, и пока они не подтверждены ни одним фактом.

Пройдя «дом Галатеи» насквозь, мы оказываемся на широкой улице, посреди которой вырыт глубокий ров. Прежде вся улица состояла из длинной цепи водоемов, сообщавшихся между собой через систему подземных труб. Когда-то они были наполнены чистой водой, и по краям из медных трубок били фонтаны, обдавая брызгами прохожих, а у берега плавали прогулочные лодки. Такие же «улицы» пронизывают весь жилой квартал. Массив зданий переложен ими, как слоеный пирог, очевидно, с тем расчетом, чтобы каждый дом имел свой бассейн.

У хааннджарцев был настоящий культ воды. По территории она занимала почти пятую часть от всей площади города – больше, чем в Венеции. В Хааннджаре строили огромные котлованы, резервуары, емкости с водой, ее изображали на стенах, мозаиках и предметах быта, часто в сочетании с символом Луны. Некоторые ученые считают, что спираль – своего рода «священный» знак Хааннджара – это условный знак воды. Чтобы обеспечить город таким количеством влаги, его жители копали колодцы, уходившие на глубину в несколько сотен метров.

Мы останавливаемся перед одним из них – широким провалом в форме полумесяца, на стенках которого смутно угадывается начало винтовой лестницы.

– Эти сложные технические сооружения по своим масштабам превосходят римские акведуки, – объясняет Лу. – Они практически не исследованы, мы только приступили к раскопкам одного из них. Почти сразу мы обнаружили подземный бункер – грандиозных размеров помещение с изумительной колоннадой, каких мы не встречали наверху: семилопастные в разрезе колонны, имитирующие поверхность кедрового ствола. Для чего оно построено, пока не ясно, но похоже, что это не просто подсобное помещение.

К сожалению, сейчас вниз допускаются только специально обученные спелеологи – работать там опасно. Но ученые уже установили, что в толще породы рядом с бункером находятся крупные полости. Это означает, что найденный археологами зал не единственный: вероятно, внизу расположена целая сеть подземных сооружений.

Выходит, под обычным городом скрывается еще и подземный? Возможно, его улицы пронизывают всю толщу плато. Не поэтому ли обрушилась северная часть плоскогорья? Из темного проема на меня тянет могильным холодом. Какие еще сюрпризы готовит Хааннджар?

Мы выходим из устья «водной артерии» и упираемся в высокую стену, сложенную из желто-розовых камней. За этой веселой стеной кончается городской квартал и начинается территория кладбища, где хааанджарцы веками хоронили своих мертвецов.

Примыкающие к стене захоронения почти полностью расчищены, и, глядя на них сверху, можно легко судить об их строении и планировке. В городе мертвых царит то же равноправие, что и в городе живых. Везде одни и те же чистые и аккуратные погребальные камеры, не слишком просторные, но и не тесные, рассчитанные на одного или двух человек. В них стоят одинаково узкие, слегка вогнутые ложа из серого мрамора или слоновой кости с обязательным большим молочно-голубым шаром в изголовье и таким же, но темно-синим, с двумя или тремя желтыми полосками, в ногах. Кроме этих загадочных шаров, нет никаких личных вещей, драгоценностей или светильников, ритуальных и культовых предметов.

Однако и здесь, при внешней схожести, мы видим удивительное отсутствие шаблона и унификации. На кладбище нет ни одного одинакового дома. Все архитектурные пропорции индивидуальны, рисунки на стенах не повторяются дважды, выступающие из стен полуколонны отличаются друг от друга так же, как тон и характер каждой комнаты. Лу Чекк говорит, что даже мертвецы, судя по положению скелетов, покоились на ложах в разных позах: один навзничь растянулся на спине, другой уютно свернулся в клубок или лежал на боку, положив под голову локоть, – словно их не укладывали, а они сами устраивались на своих смертных одрах в наиболее удобных позах.

Исследовав склепы, ученые установили, что первоначально они были герметичны, но через отверстия в стенах в них подавался воздух. На этом основании появились предположения, что на самом деле это были не могилы, а тюремные камеры, где замурованных узников до смерти морили голодом. Такая гипотеза способна вызвать содрогание, но Лу заверяет нас, что она не имеет ничего общего с реальностью. Скорей всего, с помощью отдушин в комнатах просто поддерживалась благоприятная атмосфера для лучшей сохранности тел.

В одном из уголков этого загробного царства мы неожиданно натыкаемся на живых людей – археологов, раскапывающих очередную гробницу. Мы достигли предела, за которым начинается неисследованная территория. Работники экспедиции продолжают сосредоточенно заниматься своим делом – освобождать из-под слоя глины и песка еще одного усопшего. Из земли уже показалось основание ложа, значит, скоро должны появиться и человеческие останки. Мы решаем дождаться этого волнующего момента. Раскопки ведут пять человек, в руках одного из них плоский совок вроде строительного мастерка, которым он осторожно снимает по несколько миллиметров грунта, двое других расчищают резьбу ложа с помощью кисточек из верблюжьего волоса, остальные занимаются обработкой материала. Я спрашиваю о назначении стоящих на земле предметов. Большой металлический термос – на самом деле флотационный бак, где образцы грунта размывают водой и фильтруют для отсеивания мелких частиц. В канистре из-под бензина хранится поливинилацетат, разведенный ацетоном. Джуди – красивая рыжеволосая девушка, приехавшая на стажировку из Дублинского университета, – объясняет, что с помощью этого закрепляющего раствора можно мгновенно законсервировать плохо сохранившиеся органические вещества, например, лоскутья ткани или кожи.

Проходит не меньше получаса, прежде чем один из работников издает громкий возглас – показался кончик кости. Все бросаются смотреть находку. Из рыхлой массы глины выглядывает что-то серое и пористое, как губка, цвета цементной пыли или пепла. Два археолога бережно обмахивают объект кисточками. Судя по всему, это берцовая кость, принадлежавшая женщине. Как ни странно, женщины составляют подавляющее большинство захороненных на кладбище – почти семьдесят процентов. Приходится предположить, что либо женская смертность в Хааанджаре была особенно высокой, либо им управляли амазонки. Как бы там ни было, я испытываю сочувствие к этой безымянной женщине, которая так удобно устроилась на своем ложе, предвкушая вечный покой, и совсем не ожидала, что в ее последнее убежище бесцере-

монно ворвутся посторонние люди, чтобы разобрать по косточкам ее скелет. В этом есть что-то грубое, нецеломудренное – почти то же самое, что рыться в чужих вещах или читать дневник соседа. Увы, археология – суровая наука.

Прежде чем мы уходим, гробница преподносит нам небольшой сюрприз – при очередном взмахе совка к ногам рабочего скатывается округлый предмет с выдавленными в нем фигурками. Джуди сразу определяет, что это стеатит – мыльный камень, характерный для более поздней хараппской культуры, где из него делали печати. Непонятно, как он попал в могилу: то ли его занесли сюда впоследствии, то ли усопший сам по каким-то причинам решил оставить его при себе. Но это только маленькое исключение, подтверждающее правило, по которому хааанджарцы отправляли своих умерших налегке – почти наверняка можно сказать, что они хоронили их совершенно голыми.

По размерам Хааанджар сравним с крупным современным городом, и ходить по нему пешком трудно. Изнемогая от усталости и от жары, мы просим Лу отвести нас в центр комплекса, чтобы посмотреть на знаменитый «храм».

Это загадочное место, ставшее некогда свидетелем ужасной трагедии, представляет собой котлован диаметром триста ярдов и площадью около четырех акров. Круглое в основании здание имело высокий купол со световыми окнами вверху и могло вмещать несколько десятков тысяч человек. Его исполинские размеры и центральное положение дают основание полагать, что в жизни хааанджарцев оно играло исключительную роль, но для какой цели его построили и что происходило в этом монументальном сооружении, остается в области догадок. Возможно, в нем проводились какие-то торжественные церемонии, законодательные собрания и религиозные обряды, или оно служило горожанам местом развлечений – театром, цирком, планетарием, – а может быть, это был просто общественный бассейн: известно, что его главный зал почти целиком наполнялся водой. Но что бы ни находилось здесь раньше, сейчас в этом здании лежат только тысячи человеческих скелетов. Все они умерли в одно и то же время – в день, когда пал древний Хааанджар.

– Мы не знаем, как хааанджарцы оборонялись от внешних врагов, – рассказывает нам Лу. – У города не было укрепленных стен, его жители не носили оружия. Вероятно, поначалу у них просто не было достаточно сильных соседей, которых следовало опасаться, а авторитет Хааанджара был настолько велик, что никому не приходило в голову на него покушаться. Отношения строились на основе дипломатии и взаимовыгодного обмена. Но со временем положение стало меняться. В конце 7-го тысячелетия в город вошли войска, вооруженные грубыми бронзовыми мечами, топорами и пиками. На них была одежда из плохо выделанной кожи и овечьей шерсти, они принесли с собой примитивные орудия труда и неказистые изделия из камня или глины, – все это мы постоянно находим во время раскопок. Очевидно, хааанджарцы заранее знали о вторжении и заблаговременно покинули город, но часть населения осталась, заперлась в храме и погибла. Скорей всего, они покончили с собой – об этом можно судить по тому, что на телах не было обнаружено ран, а рядом лежало множество маленьких чаш, из которых они могли выпить яд. Если наша догадка верна, в этот день состоялось самое массовое самоубийство в истории человечества.

Спустившись вниз, мы идем по дну котлована, усеянного костями мертвецов. Чтобы лучше понять картину происшедшего, археологи оставили здесь все без изменений. Скелеты лежат в первоначальных позах, навалившись друг на друга, как люди, которых внезапно свалил глубокий сон. Круглые черепа взирают на нас провалами пустых глазниц, словно недовольны вторжением новых чужеземцев. Кое-где поблескивают металлические бока сосудов и пряжки сгнившей одежды. В одном месте я вижу кривой нож с черной рукояткой – должно быть, его оставил варвар, бродивший, подобно нам, среди мертвых тел. Вперемежку с человеческими костями лежат останки домашних животных: собак, козлят, кошек и ягнят. Вероятно, некото-

рые из умерших взяли с собой своих домашних любимцев и поили их ядом из чашек, прежде чем отпить самим.

В самый разгар экскурсии у меня звонит мобильный телефон. Я достаю трубку и слышу голос Кесси Боскерна, нашего представителя в Тегеране: он сообщает, что синоптики предсказывают песчаную бурю, и советует покинуть лагерь до наступления ночи. Это противоречит нашим планам, но, посоветовавшись с Диком, я отвечаю согласием: главное, успеть взять интервью у доктора Бонанца. Мы начинаем выбираться наверх, сопровождаемые настороженным молчанием мертвецов. Путешествие в прошлое закончилось, и вместе со своими спутниками я возвращаюсь в современную цивилизацию, покидая это мрачное заколдованное место, где даже солнце кажется слишком тусклым.

Конец экскурсии получился скомканным, но Лу успокаивает нас, заверяя, что мы осмотрели почти все самое интересное. В северной части города, где мы не успели побывать, интерес представляет только мукомольная лавка с «пневматической мельницей» и обломки нескольких загадочных устройств, о которых нельзя сказать ничего определенного. Ученые не устают сокрушаться по поводу утраты этого «рабочего» района, где должны были находиться мастерские, кузницы, аптеки, склады – основные производственные и творческие силы города, на которых держалась его высокая культура. Возможно, именно эта катастрофа, а не вторжение варваров, сокрушила мощь хааанджарской цивилизации.

Поиски доктора Бонанца долгое время остаются безрезультатными. Он не отвечает по телефону, его не было на обеде и на ужине, и никто не может нам сказать, где он находится. Но я исполнена твердого намерения взять интервью и с этой целью готова прочесать весь лагерь, даже если его накроет песчаной бурей.

Наконец Биггел сообщает, что может привести нас к доктору Бонанца. Через несколько минут мы оказываемся у маленького навеса, где на земле стоит столик, а перед ним на складном стуле сидит высокий пожилой мужчина в кроссовках, джинсах, выцветшей рубашке и надвинутой на брови белой кепке. Вокруг него на расстеленных газетах лежат образцы того «предметного письма», с которыми мы познакомились в «музее»; один из них он держит в руках и внимательно разглядывает в лупу. Биггел представляет нас Карло Бонанца, доктору исторических наук, профессору Висконсинского университета, почетному члену Лондонской академии и Международного археологического общества и фактическому руководителю Хааанджарской экспедиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.